

СААМЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРЕ THE SÁMI: SOME ASPECTS OF NORDIC RESEARCH

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.59

Введение. От расовых различий к возрождению народа: аспекты исследований саамов в Финляндии и Норвегии

© **Нюссонен Юкка**, Dr. Artium, научный сотрудник факультета истории и религиоведения / факультета культурологии, Музей университета Тромсё. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

© **Лехтола Вели-Пекка**, доктор философии, профессор, Институт Гиллагас. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi
Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. В этом специальном разделе в журнале «Арктика и Север» известные и молодые учёные из Финляндии и Норвегии рассматривают тему народа саами начиная с эпохи «лаппологии» и до эпохи «исследований саамов». Статьи охватывают историю исследований, историографию и историю науки. Тематически статьи охватывают подробные обзоры исторической эволюции и трансформации «лаппологии» в их национальных условиях и более узконаправленные статьи отдельных учёных, а также статью о саамской историографии с методологической поддержкой. В двух статьях основное внимание уделяется генезису более чувствительных в культурном отношении исследований саамов.

Ключевые слова: саамы, исследование саамов, лопари, лаппология

Introduction. From depictions of race to revitalizing a people: aspects of research on the Sámi in Finland and Norway

© **Jukka Nyssönen**, Dr. Artium, researcher, Department of History and Religious Studies / Department of Cultural Sciences, Tromsø University Museum. E-mail: jukka.kalervo@uit.no
University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

© **Veli-Pekka Lehtola**, PhD, Professor, Giellagas Institute. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi
University of Oulu, Finland.

Abstract. In this special section of journal “Arctic and North” renowned and younger scholars from Finland and Norway take on the topic research on Sámi, from the era of “Lappology” to the era of “Sámi research”. The focus in the articles varies between research history, historiography and history of science. Thematically, the articles range from longer overviews of the historical evolution and transformation of “Lappology” in their national settings and more focused articles on single scholars, as well as an article on Sámi historiography with methodological grip. Two articles focus on the genesis of more culturally sensitive Sámi research.

Keywords: Sami, Sami research, Lapps, lappology

Статьи в рамках данного раздела открывают новую перспективу скандинавскому дискурсу по саамскому вопросу, предлагая критическое рассмотрение темы некоторых участников и исследовательских институтов. По этой теме существует очень мало исследований с международным участием — мы пока не занимаемся транснациональным или межнациональным исследованием, но, как таковые, опубликованные в настоящее время статьи дей-

ствительно дают основание для сравнения национальных особенностей изучения саамов. Жанр статей предполагает межнациональное изучение научных данных и «путешествие» по отдельным книгам и другим научным материалам: со временем и через границы, в цитатах, отзывах и критике [1, Dear P., с. 203; 2, Simon J., с. 251–252].

В этом разделе слово «лаппология» используется в качестве термина, относящегося к мультидисциплинарному предмету исследований саамской культуры и общества, характерного для периода между концом XIX в. и примерно 1950-ми гг., когда началась ранняя трансформация. Позднее термин вышел из употребления из-за устаревшего выбора этнонима и саамской критики колониального производства знаний. Мы осознаём его потенциально уничижительные коннотации по отношению к объекту исследования, но используем его как название исследовательского жанра, в котором термин использовался с нейтральным и беспристрастным значением, основываясь на научной практике своего времени (сравните с «эскимология»). В некотором роде политика, стоящая за термином, косвенно учитывается в большинстве статей, и мы действительно проливаем критический свет на жанр и его трансформации и окончательное исчезновение. Этот термин заменяется более «политически корректным» термином «исследование саамов». Лаппология ещё не была полностью изучена, и различные виды исследований иногда неоправданно включаются в эту категорию. Кроме того, в исследованиях в области лаппологии принято определять этот термин как свойственный для всех исследовательских сообществ северных стран, а затем сосредотачиваться на национальных вариантах лаппологии [см. 3, Seurujärvi-Kari I., с. 58–60].

В качестве поддисциплины, история науки заинтересована в социальных рамках, а также в культурных и профессиональных / академических факторах, которые влияют на то, как учёные объясняют свои наблюдения. Типичные области интересов включали, в частности, генезис новых направлений научного исследования; отличительные национальные особенности в теоретизировании; составление схемы резонанса и взаимодействия между наукой и популярными идеологиями в обществе, особенно национальными, националистическими и империалистическими проектами.

Другими словами, интерес представляет взаимодействие науки, общества и политики. Научный предмет эволюционировал от эмпирического, нетеоретического перечня научных находок («фактов») или повествований о триумфальном прогрессе открытий к «социологическому анализу» институциональных, социальных, культурных и общественно-политических условий создания науки или подходу, типичному для интеллектуальной истории/истории идей: интерес к связи между созданными теориями и их современным контек-

стом. Одна отправная точка состоит в том, что наука, современная или иная, отражает ценности (по отношению к природе, окружающей среде, группам людей и т. д.) обществ, в которых они практикуются. Чтобы понять эти рамки, необходимо наметить социальное, культурное и политическое «окружение», в котором были изобретены и сформулированы научные гипотезы [4, Bowler P.J., с. 11, 15, 17, 213, 228–235, 345; 5, Enebak V., с. 3; 6, Nordlund C., с. 25; 7, Rousseauand G.S., Porter R., с. 1–2, 5; 8, Shapin S., с.176; 9, Shapin S.].

От этого социологического подхода к истории науки с интересом к социологии в пользу исторических подходов, заинтересованных в воздействии науки на общество, отказались совсем недавно — на рубеже этого века. Для исторического анализа необходимо рассматривать осуществление, воздействие науки в исторических условиях, которые являются одним из объясняющих факторов, особенно в области политики, вместо того, чтобы сосредоточиться на социально-политических рамках, которые влияют на производство научных знаний. Способы, с которыми сталкиваются, которыми представляются и управляются научные знания, попытки совмещения с ними национальных особенностей, реакции, размышления и ответы, стали центральной темой в истории науки. Фокус сместился на идеи и результаты науки, на науку как на совокупность понятий, практик, технологий, социальных и институциональных отношений, ценностей и идеологий, встроенных в общество [10, Gouyon J-B., с. 198; 11, Ryymin T., с. 37, 39; 11, с. 13–14; 12, Skålevåg S.A., с. 265–266, 272, 283].

Исследования саамов предлагают многочисленные возможности для более позднего подхода: уровень осуществления варьируется от государства к государству, от Норвегии, где исследование в области права регулярно и довольно успешно упоминается и применяется в обсуждении прав саамов, к Финляндии, где их права практически не соблюдались. В обоих случаях исследования саамов и их реализация стали объектом споров. В этом специальном выпуске строительство нации является одним из аспектов, охваченных недавней тенденцией.

Все статьи в этом выпуске явно или неявно указывают на то, что исследование в значительной степени упражняется в силе определения, как при построении «исследующего себя», так и объекта научной деятельности — саами. Исследование — это дискурсивная практика: наука опутана социальными и политическими отношениями, и вместо того, чтобы строго отражать реальную действительность, она включает идеологическое и дискурсивное построение объекта своего исследования. Эти отношения можно проследить исторически и изучить как контекстно-специфические по отношению к исследованиям. Во многих статьях этого выпуска авторы проявляют интерес к расовым исследованиям, где этот конструктивистский аспект является вопиющим и имеет практические социальные последствия: иссле-

дование активно разрабатывает свою тему, например, расовые различия между большинством и саамами. Полученное знание — это не просто факты, а новая собственность между по-разному позиционированными людьми, включая исследователя, которая может быть использована дискурсивно и проанализирована. Научный дискурс породил множество конкурирующих «истин» о разных расах, чтобы придать политизированные значения отличиям между разными частями мира, а также классифицировать и обозначить различия в колониальных популяциях [13, Gunaratnam Y., с. 7–9].

Что касается учёных, научное и неспециальное исследование расположило в иерархическом порядке, позиционировало и определило саамов как низших, а результаты этого исследования были распространены в обществе, создав приятные субъектные позиции для большинства членов общества. Исчезновение расы как объясняющего фактора в исследованиях саами после Второй мировой войны было не менее свободным от социальных дискурсов, равно как и его осуществление в исследованиях до Второй мировой войны. Хотя только статья Вели-Пекка Лехтола делает попытку пролить свет на весь диалектический цикл распространения знаний от его производства к распространению и восприятию, все статьи касаются исследования силы определений, используемых учёными.

От «лаппологии» к изучению народа саами

Экзотичность темы саамов привлекала многочисленных исследователей и авторов с самого начала, в результате чего появились работы о диких и примитивных саамах, могущественных колдунах севера. «Лаппония» (1675 г.) Йоханнеса Шефферуса была первой монографией о саамах и по подходу и своему качеству рассматривалась как научная работа. Основываясь не только на древних и повторяющихся средневековых источниках, но и на сообщениях современников-священнослужителей, Шефферус, например, впервые выступил с данными по истории саамов.

Поскольку сельскохозяйственное поселение Лаппмарк увеличилось в XVIII в., экспертный взгляд стал более строгим в отношении двух моментов: во-первых, сельское, южное крестьянское поселение использовалось в качестве контрастного по отношению к саамской культуре, считающейся неблагоприятной. Во-вторых, экономические интересы получили больший вес по мере укрепления государств [14, Lehtola V.-P., с. 16–17].

В XVIII в. ранним фактором интереса к знаниям о саамах для чиновников и учёных была необходимость введения и присутствия саамских деревень¹ в различных внутренних

¹ Деревни лопарей позднее стали называться более корректными словами: «деревни siidas», «саамские деревни».

районах и островах / прибрежных районах. Это создало возможность для налогообложения и установления отношений власти и суверенитета короны / государства.

В XVIII в. Питер Шнитлер дополнил сведения о саамах: он сосредоточился на подробных описаниях пастбищ и организации саамской деревни, а также обозначил облагаемые налогом земли (*skatteländ* или просто «земля»). Основное внимание уделялось внешним факторам, которые определяли то, что сейчас называется *siida* и были сопоставлены с «территорией» королевств, в пределах которой существовали налогооблагаемые земли. Структурирующий термин был «*bye*», или «*Lapp-bye*» (деревня), происходивший от шведских налоговых документов и административных потребностей чиновников. Знания о пространственной организации и местонахождении саамов, важные сведения из-за усиления конкуренции за землю и ресурсы пользовались большим спросом у короны, государственных чиновников [15, Wiklund K.B., с. 16–55].

Научный уровень этого жанра исследований варьировался от «правильных» академических исследований до многочисленных любительских начинаний. Лаппология обосновывалась с религиозной и политической точек зрения. Например, в XIX в. Великом Финском княжестве государственные чиновники всё больше интересовались ресурсами и производительностью северного региона.

При этом на север пришли многочисленные исследователи с более диверсифицированной дисциплинарной базой, с разнообразными интересами к знаниям. Например, этнографы были заинтересованы в получении всеобъемлющей информации, основанной на синтезе саамской культуры, в то время как это направление позднее превратилось в социально-эволюционное, в идеологию, затрагивающую многие статьи в данной подборке. В результате научная область стала более разнообразной в своих исследовательских интересах, начал появляться исследовательский жанр, позже названный «лаппология» [14, Lehtola V.-P., с. 16–17].

Когда профессор Олави Корхонен изучал шведские научные словари в начале 2000-х гг., он отметил, что в 1939 г. «*лаппология*» была известна как «разговорное слово, обозначающее исследование «языка лопарей, их обычаев и т. д.». Кроме того, лаппология не была включена в словарь научных терминов 1998 г. «Является ли «лаппология» мёртвым словом?», — спрашивал Корхонен и отвечал, что в качестве термина оно мертво, потому что в нём подразумевается отрицательное значение. Кроме того, исследования культуры саами настолько расширились, что одного термина недостаточно для описания этой сферы. Это, однако, не означает, что предмет «лаппологии», то есть накопление знаний о различных областях культуры саами, изменился». [16, Korhonen O., с. 15].

Согласно Шведскому академическому словарю (Svenska Akademiens Ordbok), термин *lappologi* на шведском языке был образован в 1929 г., когда Вяйнё Таннер использовал его в своём исследовании на скольт-саамском.² Таннер использовал лаппологию в качестве термина с отчасти отрицательным значением: «Невзирая на географические аспекты, лаппология часто приводила к чрезмерным обобщениям, главным образом абстрактным, и поэтому существенные проблемы оставались на границах интуиции». По его мнению, одна из таких проблем — стереотипное представление о том, что кочевники являются ядром и элитой саамской культуры, а прибрежные и лесные саамы считаются деградировавшими выходцами из их культуры [17, Tanner V., с. 8]. Однако в Норвегии Кристиан Ниссен, друг Лапландии, использовал понятие лаппологии уже в 1928 г. В предисловии к юбилейному изданию тома Дж. К. Квигстада он упомянул, что дети Квигстада не переняли «особый интерес» отца, лаппологию [18, Nissen K., с. 11]. Ниссен также использовал соответствующий термин в своем письме Т.И. Иконену в 1928 г.³

На самом деле предыстория понятия лаппология начинается, по крайней мере, несколько десятилетий назад. К.Б. Виклунд в своей книге «*Lapparnas sång och poesi*» использовал слово *lappolog* (лапполог) уже в 1909 г. Он использовал его в кавычках, когда дал негативную оценку поэтического произведения саамского священника Андерса Фьельнера «*Beaivváártnit*» («Сыны Солнца») и заявил, что даже «слегка искусный лапполог» может легко найти многочисленные ошибки в текстах Фьельнера [19, Wiklund K.B., с. 54].

Сверкер Сёрлин и Ларс-Гуннар Ларссон подчёркивали, что К.Б. Виклунд использовал этот термин, чтобы обозначить исследование саамов, которое охватывает историю саамов, язык и культуру. Оценивая более поздних исследователей, он считал, что сосредоточение Бьорна Коллиндера на одной области исследования было однобоким, в то время как он одобрял таких молодых исследователей, как Израиль Руонг, Нильс Эрик Хансегор и Олави Корхонен, как «настоящих» мультидисциплинарных лаппологов [20, Sörlin S., с. 96–97; 21, Larsson, с. 33–55]. В своём письме к Эрнсту Манкеру в 1933 г. Виклунд упоминал о лаппологии как об определённой страсти, даже о некой научной лапландской мании, которая захватила его: «когда Вы были в восторге от лаппологии, Вы больше не можете сидеть сложа руки и возиться со своими, может быть, совершенно бесполезными научными пустяками, но, напротив, Вам приходится иметь дело с важными социальными проблемами, хотим мы того

² Svenska Akademiens ordbok 1939, см. URL: http://www.saob.se/artikel/?seek=lappologi&pz=1#U_L225_71713. Спасибо Хокану Ридвингу за ссылку.

³ В предисловии к мемориальному тому Дж.К.Квигстада в 1928; см. также: K. Nissen to Itkonen, 2.1.1928. The Archive of T.I. Itkonen, National Archives of Finland.

или нет [...], где Вам действительно приходится работать с понятиями, щекочущими нервы» [22, Karlsson C., с. 29].

Термин «лаппология» в настоящее время несёт в себе коннотации культурного империализма и социального эволюционистского мышления, не говоря уже о бремени более зловещих достижений в сравнительной физической антропологии. Среди прочих, этнографы, фольклористы, историки и географы стремились внести свой вклад в процессы национального строительства своего времени посредством их научного вклада [23, Mathisen S.R., с. 104–105].

В синтезирующих, описательных и систематизирующих исследованиях материал, а в некоторых случаях также результаты исследований создавались с учётом потребностей и мировоззрения исследователя. Это происходило по причине внутреннего обоснования саамских обществ [24, Sergejeva J. с. 181]. В большинстве случаев считалось, что исследования саамов обладали более низкой культурной ценностью, не являлись сложными и были отделены от экономического и политического прогресса Большого общества. В Норвегии научные взгляды менялись от покровительственно-позитивных к снисходительным и негативным по отношению к саамам: с 1870-х гг., с диффузионистской и социально-эволюционистской идеологией, используемой как средство создания академической легитимности, Хальвдан Брин, Кристиан и Алетта Шрайнер использовали физическую антропологию в качестве методологического подхода в построении норвежской идентичности и превосходства [3, Seurujärvi-Kari I., с. 58–60; 25, Pentikäinen J., с. 9–10; 26, Eyrþórsson E., с. 27–41].

По сравнению с исследованиями саамов, проведёнными в Норвегии, финская лаппология была экзотичной и проявляла интерес к филологии и саамской адаптации к суровым природным условиям, но, как показали Килли, Лехтола и Нюссонен, норвежцы не обладали монополией на социально-эволюционистские подходы.

Критика «лаппологических» подходов возникла примерно в то же время, что и в Норвегии, в 1950-х гг. По мнению критиков, лаппология обошла реальные саамские культурные сферы или языковые группы как центр исследования, в то время как национальным границам было позволено ограничить сферу и классификацию исследовательского материала.

Мнения о саамах и их перспективы находились в маргинальном положении: требование, чтобы саамские учёные принимали участие в исследованиях культуры саамов, стало обычным явлением к 1970-м гг. Это делалось с целью подтверждения, что саамские системы взглядов, отношения и т. д. будут определять анализ культуры саамов. Более глубокий сдвиг в сторону изучения саамов произошёл только в конце XX в., когда сами саамы начали брать исследования в свои руки, как объяснила Ириа Сеуруярви-Кари. Совсем недавно, как и в этом

специальном выпуске, лаппология в широком смысле слова превратилась в самостоятельный объект исследования [3, Seurujärvi-Kari I., с. 57–58; 24, Sergejeva J. с. 181–182], составляющий часть процесса усилий по пониманию истории и мышления большинства обществ.⁴

Преобразование тесно переплеталось с ростом этнополитической активности среди саамов. Одной из областей, в которых стали заметны сопротивление саамов и этнополитическая пропаганда, была Академия. Саамские вопросы вошли в учебники, учебные программы и материалы, на сайты, на которых очевидны были аспекты власти в стрессовых и блокирующих системах знаний. Частичная победа, на которую может обратить внимание саамское движение, привела к исследовательским проектам, рабочим местам, новой политике по набору персонала, новым темам исследований и новым способам проведения исследований. Это изменило и Северную Академию: три университета (в Умео, Оулу, Тромсё) имеют центр, посвящённый исследованиям саамов, один университетский колледж построил кампус, в котором говорят на саамском языке, в Каутокейно, также существуют и менее продолжительные исследовательские проекты в северных университетах по саамским вопросам, число которых слишком велико для перечисления в данной статье.

Но этот прорыв далёк от тотального. В особенности легитимность постколониальных и индигенизированных теорий, эпистемологий и целей исследования постоянно обозначается как партикуляризм, предвзятость и материализм [27, Junka-Aikio L.; 28, McGovern S., с. 20–22]. У многих есть затруднения с превращением Академии в площадку для высказывания мнений коренного народа с частичной опорой на старый дискурс «объективного», неполитического производства научных знаний. Это маргинальное влияние на постколониальное теоретизирование и другие подходы, направленные на пропаганду, могут быть, однако, подвергнуты критике за то, что они не менее политичны в отношении «эффекта молчания» и приоритетности «западных» эпистемологий и голосов.

Кратко об этом разделе

Университетский преподаватель Ритва Килли акцентирует своё внимание на Андерсе Анделине, малоизвестном финском священнике, который изучал саамов в Финляндии и работал в финской Лапландии во второй половине XIX в. Килли описывает, как новые идеи того времени нашли отражение в трудах Анделина, который был современником, например, Чарльза Дарвина (1809–1882). Финны считали саамов низшей, тёмной расой, и священники и

⁴По мнению Вели-Пекка Лехтола, важность изучения лаппологии заключается в том, чтобы глубже понять историю исследований саамов по отношению к большинству обществ, а также историю европейской культуры. Lehtola V.-P., Sámi kultuvra dutkamuša hástalusat, Kaltio 5 /2005. URL: <http://www.kaltio.fi/vanhat/index0699.html?762>.

чиновники хотели документально зафиксировать их культуру, потому что считали саами народом, неизбежно близким к вымиранию. Священник хотел предотвратить исчезновение саами, обучая их цивилизованному финскому образу жизни: по словам другого священника, Э.В. Борга, у саамов был потенциал для развития — до тех пор, пока это происходило под бдительным оком финских официальных лиц. Работы Анделина того времени также характеризуются попыткой изобразить саамов как стереотипных дикарей.

В качестве научных трудов тексты священников воспринимались как серьёзные исследования, частично из-за отсутствия более «серьёзных» исследований. Уже эти любительские работы оказали определяющее влияние не только на исследовательский объект, но и на самого исследователя. Священник превратился в советника по сельскому хозяйству, повторяя типичные для того времени экологически недостаточно информированные кампании сельскохозяйственной цивилизации. Диалектика в представлении означала, что каждое представление о саамах всегда было самопредставлением (желаемого идеала) более способных и более серьёзных финнов.

Килли также показывает, что образ саама не создавался в вакууме, но основывался на современных, даже глобальных дискурсах. Интересен также тот факт, что уже в XIX в. исследовательский объект, саамы, имел средства и каналы для осуждения тех образов, которые о нём создавались. Килли также демонстрирует, как восприятие научных текстов зависит от контекстов, в которых они читаются или слышатся.

Статья профессора Вели-Пекка Лехтола даёт углублённый обзор финских лаппологических исследований саамов в 1920-х и 1930-х гг. Основное внимание уделяется образу саамов в процессе изучения и распространения этой информации в финской общественной сфере. Основное внимание уделяется скольт-саамам, которые вызвали огромный научный интерес после присоединения Петсамо к Финляндии в 1920 г. Век был пронизан парадигмой расовых различий, и одна из тем, затронутых в статье, — распространение расовых идей в политической, административной и литературной сферах. Круговорот знаний был процессом перехода, упрощения и вульгаризации, что привело к агрессивному расовому восприятию саамов, которое также послужило делу строительства национальной самобытности Финляндии. Существовал также критический взгляд на лаппологические исследования и на их многообразие. Поэтому плохая репутация лаппологии отчасти незаслуженна, но всё же понятна в послевоенной Финляндии.

В отличие от других статей в этом разделе, в которых лаппология рассматривается как многопрофильная область, профессор Ларс Ивар Хансен сосредотачивает своё внимание на

истории саамов и исторических методах. Основное внимание уделяется также политике саамской истории и исследований. Хансен представляет некоторые основные результаты последних исследований по истории саамов, используя реляционный подход. Хансен поднимает вопрос, кому «разрешено» писать саамскую историю, кто может заниматься исследованиями саамов. В настоящее время демократизация и инструментализация исследований саамов на службе различных социально-культурных потребностей саамов являются основным течением в скандинавских исследованиях с высоким уровнем ожиданий относительно применимости или раскрытия древних обстоятельств, касающихся прав саамов на их территории. Это касается как стремления к тому, чтобы история саамов была написана в целом, так и решения более ограниченных задач по представлению информации о культурных традициях, традициях и опыте саамов в отношениях с другими людьми. Хансен представляет методологические соображения и рекомендации по истории саамов. Программа Хансена требует арсенала методологических компетенций и глубокого использования многочисленных категорий источников — то есть предпосылок качественного исследования.

Исследователь Юкка Нюссонен изучает расовое мышление профессора географии и одного из выдающихся «лаппологов» Вяйнё Таннера (1880–1948). Статья посвящена одному произведению, монографии Таннера о скольт-саамах, «*Antropogeografiska studier inom Petsamo-området*» («Географические исследования человека в регионе Петсамо. 1 Скольт-саамы», 1929 г.), которая имеет репутацию классической работы в лаппологическом жанре исследований благодаря своей «дружеской по отношению к саамам» позиции. Глава о расе скольт-саамов и их жизнеспособности, однако, отличается от предыдущих исследований Таннера, так как она не соответствует положительному образу саамов, который он изображает. Чего добивался Таннер и что он на самом деле написал в той длинной главе? Таннера изучают на фоне расово-гигиенических дискурсов той эпохи: какой образ саамов он изображал и какую расовую позицию он оставил для скольт-саамов? Какими были влияющие и провоцирующие дискурсивные ресурсы, которые он воспроизводил и против которых возражал? Статья призвана способствовать пониманию того, как сложные социальные и биографические факторы могут повлиять на политику идентичности в работе исследователя. Помимо проблем, присущих исследованиям спекулятивной расовой гонки, рассматриваются и повседневные вопросы, такие как нехватка времени для редактирования, факторы, влияющие на размывание конечного результата.

Исследования саамов в большинстве случаев были частью программных национальных наук с определёнными целями построения нации. Отношения между наукой и национальным

государством, а также между национализмом, индустриализмом и империализмом иногда представляются как органические, где наука и учёные видят себя в служении растущим империям. Этот образ в какой-то степени верен и является хорошим описанием отдельных частей национальных наук Финляндии, но есть ещё одна большая вариация. Питер Боулер подчёркивал, что в период, когда эта связь считалась наиболее сильной (в XIX в.), мотивы исследователей сильно различались, чтобы учёный мог иметь возможность стать членом Академии, а иногда учёные открыто враждебно относились к империалистическому индустриализму, многие хотели быть полезными для целей служения или завоевания различных регионов для (Британской) империи [4, с. 189, 202]. Таннер является хорошим примером учёного, который занимался исследованиями под разными углами, а не просто националистическими, или смягчил национализм, который он счёл неприемлемым для пропаганды в своём исследовании; мотивы учёного могут исходить из его личных ценностей и включать моральные мотивы и программы, связанные как с государственным строительством, так и с более крупным, личным мировоззрением [29, Jalava M., Kinnunen T., Sulkunen I., с. 13].

Научный сотрудник Лена Ингиле Ландсем рассматривает, как исследования меньшинств саамов и квенов в период с 1979 и до середины 1980-х гг. в Университете Тромсё проводились на стыке науки и политики. Национальная ответственность за проведение исследований по саамским и, позднее, квенским вопросам была возложена на Университет, который был создан в 1972 г. с целью стать исследовательским институтом в интересах региона.

Выделяются три фактора, которые влияют на выбор тем, приоритетов и подходов к исследованиям меньшинств в Северной Норвегии. Во-первых, этот период был отмечен случаем строительства дамбы на реке Альта-Каутокейно в округе Финнмарк, после которого саамы боролись за свои права и политические изменения на центральном уровне в отношении саамского населения в Норвегии. Какие последствия имел этот политический процесс для исследований и для академической среды в Северной Норвегии? Второй фактор связан с академической политикой: учёные могли бы извлечь пользу из исследовательской программы меньшинств, проводимой Норвежским Общим Научным Исследовательским Советом (NAVF). Каковы были аргументы, которые легли в основу исследовательской программы, которая длилась девять лет? Какие, по мнению учёных, темы считались актуальными? Какими были главные области исследований меньшинств? В-третьих, в 1980-х гг. начались методологические и исследовательские политические дискуссии по эмпирическим и этическим вопросам, которые продемонстрировали различные подходы к исследованиям меньшинств.

Действительно ли сами саамы или исследователи, принадлежащие к большинству, имели право проводить исследования саамов?

Исходя из того, что представляет нам Ингиле Ландсем, можно утверждать, что исследование саамов, начатое в Университете Тромсё, было в основном научно и политически консервативным в своём осторожном акценте на этнических отношениях, что ослабило обсуждаемую «угрозу» исключительного эмического подхода. Реляционный подход, который стал доминирующим (см. также статью Хансена), использовался большинством исследователей, так как он включал внутригосударственные отношения и расширил выбор акторов. Теперь даже исследователям большинства удалось занять оппозиционную позицию к государственным деятелям, «модное» положение в антиимпериалистической политической обстановке 1970-х и 1980-х гг., а также насладиться моральным превосходством низших исследований, на которые могли бы указать исследователи саамов. В разных странах характер исследования различен; исторические исследования в Финляндии остались более скромными, чем норвежские, возможно, отражая восприятие меньшей «колониальной» вины на финской стороне. И наоборот, исследователи, отрицательно реагирующие на «программные» исследования саамов, все ещё более многочисленны в финской, чем в норвежской академии. Здесь апологетическое отношение обычно принимается в связи с ошибками, совершёнными в рамках норвежской политики [30, Nyysönen J., с. 377].

Хотя Ингиле Лансем концентрируется на внутренних дискуссиях в северо-норвежской Академии, случай иллюстрирует изменения властных отношений, в которых исследовались саамское общество и культура. Потоки знаний ранее считались однонаправленными, от государства/имперского центра/столицы до колонизированных периферий. Утверждалось, что производство знаний больше не происходит из единого законного места или «базы знаний», которая делает государственную или колониальную власть действующей; потоки знаний или распространение знаний изменяют материальную культуру, культурные модели и идентичности также в принимающих государствах [31, Ballantyne T., с. 128–129; 32, Ballantyne T, с. 231–238].

В норвежском случае, возможно, не имеющем имперских масштабов, но не лишённого проблем периферии и отношений «большинство — коренное меньшинство», спрос на знания изменился: теперь саамские общества требовали научных знаний о том, как справиться с норвежским присутствием и строить своё общество с соответствующими правами. Уже нет необходимости в резком разделении между доминирующими и низшими системами знаний: в норвежском случае системы знаний о саамах в настоящее время, по крайней

мере, в какой-то степени, включены в программы исследований из-за изменений как в окружающем обществе, так и сдвиге в академических кругах и парадигматическом сдвиге относительно места, в котором находился предыдущий объект исследования.

Однако это изменение не является прямым: обе области, государства / общества и Академии, стали более фрагментированными и действуют в рамках отношений, которые уже не являются прямолинейным по отношению к власти и сопротивлению, а скорее включают в себя различные формы учреждений, взаимодействия, ассигнований для коренных народов, адаптивное производство знаний, создание местных систем знаний и их дублирование. С методологической точки зрения, графическое отображение этой взаимосвязи требует подробной текстовой и эмпирической работы, а также высококонтекстуализированного и ситуативного анализа власти, агентства и знаний [28, McGovern S., с. 14–19, 27]⁵. Мы надеемся, что с помощью данной подборки статей нам удалось сделать шаг в этом направлении.

Литература / References

1. Dear P. Historiography of Not-so-recent Science, *History of Science*, No. 1 (50), 2012, pp. 197–211.
2. Simon J. Cross-National Education and the Making of Science, Technology and Medicine, *History of Science*, No. 1 (50), 2012, pp. 251–256.
3. Seurujärvi-Kari I. *Ale jaskot eatnigiella, Alkuperäiskansaliikkeen ja saamen kielen merkitys saamelaiten identiteetille*, Academic dissertation, Faculty of Arts, Helsinki: University of Helsinki, 2012, 330 p.
4. Bowler P.J. *Ympäristötieteiden historia*, Helsinki, Art House, 1997, 590 p.
5. Enebakk V. *Vitenskapsstudier, Historie, teori, kritikk*, Oslo, Unipub, 2008, 299 p.
6. Nordlund C. *Det upphöjda landet, Vetenskapen, landhöjningsfrågan och kartläggningen av Sveriges förflutna, 1860–1930*, Umeå, Kungl. Skytteanska Samfundets handlingar 53, Skrifter från Forskningsprogrammet Landskapet som arena, No. 3, 2001, 425 p.
7. Rousseau G.S. and Porter R., Introduction, *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G.S. and Porter R., Cambridge, Cambridge University Press, 1980, 500 p.
8. Shapin S. History of Science and its Sociological Reconstructions, *History of Science*, No. 3 (20), 1982, pp. 157–211.
9. Shapin S. Social uses of science, *The Ferment of Knowledge, Studies in the Historiography of Eighteenth-Century Science* / ed. Rousseau G.S. and Porter R., Cambridge, Cambridge University Press, 1982, 500 p.
10. Gouyon J-B. Making science at home: visual displays of space science and nuclear physics at the Science Museum and on television in postwar Britain, *History and Technology*, No. 1–2 (30), 2014, pp. 37–60.
11. Ryymin T. *Smitte, språk og kultur, Tuberkulosearbeidet i Finnmark*, Oslo, Scandinavian Academic Press / Spartacus Forlag, 2009, 367 p.
12. Skålevåg S.A. Fortellinger om vitenskap, *Fortalt fortid, Norsk historieskriving etter 1970* / ed. Heiret J., Ryymin T. and Skålevåg S.A., Oslo, Pax forlag, 2013, pp. 264–291.
13. Gunaratnam Y. *Researching Race and Ethnicity, Methods, Knowledge and Power*, London, Sage Publications, 2003, 218 p.
14. Lehtola V.-P. *The Sámi People, Traditions in Transition*, Inari, Kustannus-Puntsi, 2002, 139 p.

⁵ Indra Sengupta and Daud Ali: Knowledge Production, Pedagogy, and Institutions in Colonial India. New York: Palgrave Macmillan; May 2011. URL: <http://www.palgraveconnect.com/pc/doi/10.1057/9780230119000>

15. Wiklund K.B. *De svenska nomadlapparnas flyttningar till Norge i äldre och nyare tid*, Uppsala, Almqvist & Wicksells boktryckeri, 1908, 248 p.
16. Korhonen O. Är lappologin död? Föredrag i samband med mottagandet av pris år 2002 från Stiftelsen språk och kultur, *Oknytt*, No. 3–4 (29), 2008, pp. 6–17.
17. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. 1 Skollapparna, *Fennia*, No. 4 (49). 1929, pp. 1–518.
18. Nissen K. Preface without heading, *Festskrift til rektor J. Qvigstad 1853 4. april 1928*, Tromsø, Tromsø Museums, skrifter 2, 1928.
19. Wiklund K.B. *Lapparnas sång och poesi*, Uppsala, W. Schultz, 1906, 60 p.
20. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish Scientific Nationalism, *Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices* / ed. Bravo M. and Sörlin S., Canton, Science History Publications, 2002, 378 p.
21. Larsson L.-G. Karl Bernhard Wiklund, *Finsk-ugriska institutionen i Uppsala 1894–1994* / ed. Raag R. and Larsson L.-G., Uppsala, Finsk-ugriska institutionen, Uppsala universitet, 1996, 292 p.
22. Karlsson C. *Vetenskap som politik. K. B. Wiklund, staten och samerna under 1900-talets första hälft*, Umeå, Kulturgräns i norr — Umeå universitet, 2000, 111 p.
23. Mathisen S.R. Changing Narratives about Sami Folklore: A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area, *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
24. Sergejeva J. The Eastern Sámi: A short account of their history and identity, *Acta Borealia*, No. 2 (17), 2000, pp. 5–37.
25. Pentikäinen J. Preface. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
26. Eyþórsson E. *Sjósamene og kampen om fjordressursene*, Karasjok, Čálliid Lágádus, 2008, 240 p.
27. Junka-Aikio L. Can the Sámi speak Now? *Cultural Studies*, No. 2 (30), 2014, pp. 205–233.
28. McGovern S. *Education, Modern Development, and Indigenous Knowledge, An Analysis of Academic Knowledge Production*, Routledge, New York and London, 1999, 231 p.
29. Jalava M., Kinnunen T. and Sulkunen I., Johdanto, Kansallinen historiakulttuuri — näkökulmia yksinäisyyden purkamiseen, *Kirjoitettu kansakunta, Sukupuoli, uskonto ja kansallinen historia 1900-luvun alkupuolen suomalaisessa tietokirjallisuudessa* / ed. Jalava M., Kinnunen T. and Sulkunen I., Helsinki, SKS, 2013, 390 p.
30. Nyssönen J. Det samiske politiske etablissementet og motmobiliseringen — Konflikter om etniske kategorier i Finland, *Samepolitikens utvikling* / ed. Bjerkli B. and Selle P., Oslo, Gyldendal Akademisk, 2015, 434 p.
31. Ballantyne T. Empire, Knowledge and Culture: From Proto-Globalization to Modern Globalization, *Globalization in World history* / ed. Hopkins A.G. London, Pimlico, 2002, 280 p.
32. Ballantyne T. Knowledge, Empire, Globalization, *The New Imperial Histories Reader* / ed. Howe S., London and New York, Routledge, 2010, 470 p.